

Марина ПОПОВА

Совпадения

Было жарко и влажно. Конечно, когда лежишь в гамаке в тени низкого густого растения с глянцевыми листьями и потоки океанского бриза обдувают тебя, то не страдаешь ни от жары, ни от влаги. Но попробуй-ка подняться на пирамиду племени майя, а еще и спуститься с нее! Кстати, Лев Давидович Троцкий так же, как Майя Давыдовна, карабкался по этим узким ступеням всего каких-нибудь 70 лет назад, приехав на экскурсию из Койоаканы.

Майя Давыдовна — свежее испеченная пенсионерка — обожала пофилософствовать на тему жизненных совпадений. Иные люди собирают марки, фарфор, картины, а она собирала совпадения и, как бусины, нанизывала их на общую нить, выстраивая целые конструкции часто сомнительных взаимосвязей. Со скоростью падающей звезды проносились в голове вереницы совпадений, оставляя в душе невнятный след, подтверждающий наличие божественных сил в ее судьбе.

Вот и сейчас: во-первых, ее собственное имя совпало с именем древнего народа майя — строителя пирамиды, на вершине которой она сидела. Во-вторых — отчество у нее и Троцкого тоже совпало, а тот факт, что Лев Давидович, как поведал гид, тоже поднимался на эту пирамиду, сблизило настоящее, где она, как говорится, физически присутствовала, с прошлым ее бывшей родины.

Воображение у нее было отлично натренировано, и она ощутила присутствие Троцкого сильнее, чем свое собственное, среди толпы запыхавшихся от крутого подъема туристов.

"Идеальные совпадения", — как истинный коллекционер-охотник, напавший на след в предчувствии уникальной находки, возбужденно думала она. "Ну просто Perfect: Present Perfect и Past Perfect", — неряшливо подбирала она сравнения. Особенно по душе ей было слово "perfect" — совершенное, идеальное.

"It was and it is Present Perfect, — начала сочинять Майя Давыдовна, — время уходит назад, and it comes into Present, which is amazingly Perfect; la plage — само совершенство; revolution is closer again; un moment mon ami, aspeto; дай мне понять все это".

На сегодняшний день Майя Давыдовна была ровесницей Троцкого, но ощущала себя тридцатилетней — на тот возраст, в котором она навсегда, как тогда казалось, покинула Советский Союз, правда, "с правом перелиски", и приехала в Кливленд, которому предстояло стать средой ее обитания на несколько лет. Позже она переехала поближе к любимому Нью-Йорку, и это стало второй эмиграцией в малом масштабе.

Эмиграция была водоразделом, напоминающим смерть: больно и страшно, зато время превращается в союзника — умер молодым, таким и остался. В каком возрасте уехал — в том и законсервировался.

И все же это была не смерть, а, скорее, новая жизнь, которую испытать дано не каждому, и Майя Давыдовна чувствовала себя обогащенной. "Если учесть все переезды, то скоро будет семь жизней, как у кошки", — думала она иногда.

С момента перестройки она стала ездить в Россию встречаться с друзьями и родственниками, временно участвовать в делах города.

Потом она возвращалась в Америку, но через несколько месяцев опять приезжала. В отсутствие Майи Давыдовны нишу ее затягивало ряской забвения, но она напоминала о себе, пытаясь наверстать упущенное, вписаться в пространство, радикально меняющееся между ее посещениями.

В конце концов все эти перелеты-наезды-переезды так запутали неуемную Майю Давыдовну, что она совсем смешалась и однажды, увидев из окна московской квартиры колокольню Новодевичьего монастыря, изумилась... По всем подсчетам, полагался ей вид на Вашингтонский мост из квартиры в Нью-Джерси.

В другой раз, ломая ветки сирени на съемной даче в Каскильских горах, она до полной иллюзорности, до голографического изображения увидела себя на даче в Кратово. Иллюзорность была настолько сильна, что она — всегда в детстве ходившая с разодранными локтями и коленями — стала промокать листиком крови, сочившуюся из ранки на локте. Когда наваждение прошло, Майя Давыдовна увидела, что локоть был в полном порядке...

Она испугалась и обратилась к невропа-

тологу сначала в Америке, а потом в Москве. Никаких психических отклонений у нее не нашли. Американский врач прописал легкий антидепрессант, а русский прямо сказал, что с жиру бесится, и отпустил с Богом.

О реальном возрасте Майе Давыдовне иногда напоминали сердечные перебои с красивым названием "ишемическая болезнь", которые она испытала, поднявшись на вершину пирамиды. От камней и джунглей, бескрайним океаном окружающих пирамиду, поднималась влага, как дым сухого льда на рок-концертах или пар из преисподней нью-йоркского метро.

Майя Давыдовна положила под язык таблетку "Валидола". Когда приступ прошел, и сердце встало на место, она подобрала ракушку и, прикрываясь от взглядов кишмишающих туристов, нацарапала на камне: "Троцкий здесь был". Подумала и дописала: "и Майя Давыдовна тоже".

Она посмотрела вниз. Как она ухитрилась сюда забраться с ее сердцем в ее-то годы? Глупая неосторожность! А теперь еще и спуститься надо по узким сбившим ступеням, где нога едва помещалась, да и то в профиль?!

За спиной раздался голос:

— Где только не встретишь соотечественников!

Мужчина с седой бородкой, в круглых очках — как будто сам Троцкий спустился с небес — сидел на камне, где минуту назад сидела она, и читал ее царапки. Майя Давыдовна покраснела — неудобно получилось. Но "Троцкий", похоже, даже умилился детской выходке этой пожилой дамы с балетной вышкой головы на гладкой шее.

— Что вы скажете, если я допишу? — предложил он.

Она рассмеялась, чем положила начало общению.

Его звали Владимир.

— Пожалуйста, без отчества — на американский манер, — представился он. — Вы, наверно, знаете, что ритуал жертвоприношения происходил здесь, а потом жертвы сбрасывали вниз, к подножию пирамиды?

Майя Давыдовна подумала, что поскольку она на этих гладких натоптанных ступенях — пополнит собой число жертв... Она еще раз посмотрела вниз. Сердце ее тяжело ухнуло и забилося под подбородком. Угадав ее страх, Владимир предложил:

— Давайте я научу вас спускаться. Это целая наука, но очень простая. Доверьтесь мне, красивых женщин я не обманываю. Наградой за бесстрашие будет чудо, которое я покажу вам внизу. Вы, наверно, не безразличны к чудесам, раз оставляете автографы по всему миру?! — подколол он ее. — Не считайте меня грубияном, но держать я вас не буду. Вы спуститесь сами. Не ползите задом и не прыгайте, как горный козел, точнее, коза, — он указал на туристов, которые спускались точно по обозначенной схеме, — а идите по диагонали. Я буду идти впереди и подстраховывать. С каждым разом переставляйте правую ногу на ступеньку ниже. Дойдем до края пирамиды, милости прошу развернуться и снова спускаться по диагонали в другую сторону левой ногой. Вниз не смотрите!

Майя Давыдовна зачарованно внимала. Действительно — спуск оказался удивительно простым. Внизу Владимир увлек ее к центру основания пирамиды и, сложив ладони лодочкой, закричал:

— А-у-у-у!

Эхо какое-то время выжидало, а потом извергло истерический вопль, похожий на крик ночной птицы.

Майя Давыдовна и Владимир кричали на разные голоса английские и русские слова, но эхо неизменно отвечало им резким птичьим криком.

— Абсурд какой-то, — растеряно сказала Майя Давыдовна, — не может эхо так отвечать, иначе... это не эхо. Нельзя же посмотреть в зеркало и увидеть чужое отражение?! — не очень уверенно предположила она.

— Конечно, конечно, тогда это и не отражение вовсе, — подхватил Владимир и подмигнул из-под очков.

Тонкая золотая оправа вспыхнула на солнце и на секунду ослепила Майю Давыдовну. Ей даже показалось, что тонкий луч пронзил ее в самое сердце, ничуть не считаясь с ишемическим диагнозом.

Они шли по джунглям к выходу — два недавно состарившихся человека, и Владимир травил всякие байки про нравы и обычаи мексиканцев. Знал он их множество, так как,

уйдя на пенсию (он работал инженером в Детройте), осел в Мексике, в одной из американских пенсионерских общин, где, как он выразился, "дешево и сердито".

Майя Давыдовна шла чуть позади и исподтишка разглядывала его жилистую фигуру, всклокоченную седую бороденку, какую-то дурацкую пионерскую панамку, и понимала, что ничего ее в нем не раздражает. Она предвкушала начало дружбы, или интрижку, или даже любовь (а почему бы и нет? — любви все возрасты покорны), короче, была готова на все, что предложит ей судьба.

Вдовствовала Майя Давыдовна уже более десяти лет, и одиночество становилось все тягостней. Жизнь она прожила вполне удачную, но эмоционально у нее многое получилось шиворот-навыворот — не как у людей.

Например, в эмиграции все говорили, что самое трудное — первые годы. А вот для Майи Давыдовны первые годы как раз оказались самыми интересными и приятными, потому что здесь было внове. Зато когда она обустроилась и, как ей показалось, поняла работу механизма, называемого демократией, ей стало скучновато. В целом американцы оказались слишком приватными, мало романтичными, без русско-советской любви к тесному общению. Она была несколько разочарована — не то демократией, не то просто совпало, и она повзрослела.

Однажды на конференции славистов в Вермонте она встретилась с гостем из Москвы (перестройка только начиналась) — старым дачным приятелем, с которым гоняла на велосипеде по вздыбленным проросшими корнями сосен тропинкам.

Они старательно общались, вспоминали дачу... Майя Давыдовна возила его по маленьким городкам Новой Англии, когда за ужином в милом семейном ресторанчике, он прервал ее на полуслове и с удивлением сказал:

— Майка, что приключилось? Куда делась твоя романтичность? Черемухой не пахнет!

Не скрывая легкой обиды, она отпарировала:

— А кто сказал, что демократия пахнет черемухой?! Зато здесь законы работают.

Это прозвучало неуклюже, как "сам дурак".

— Да нет же, Майка, — сказал он, — приезжай в Москву, походишь на митинги к Белому дому — снова все запахнет. (К 2000 году он стал похож на человека, потерпевшего кораблекрушение.)

Когда умер муж, вдовы приятельницы поучали: "Первое время — самое тяжелое". У Майи Давыдовной опять все было, не как у людей. Несмотря на то, что муж был любящий и никак ее не сковывал, оставшись одна, она внезапно почувствовала легкость бытия, ветер свободы, чем была чрезвычайно смущена. Но через год, когда обычно траур заканчивается, она безумно заскучала по мужу.

И тут вдруг этот мистификатор с блестящими не то глазами, не то очками, с ложным эхом и вселенскими знаниями...

Автобус остановился возле ее отеля, и Владимир вышел вместе с ней. Майя Давыдовна пригласила его поужинать.

Они подошли к стойке, где Владимир заплатил за ужин и заполнил информационный листок. Она подглядела, что господин Бронштейн был в точности ее ровесник, хотя казался старше. Ему даже нацепили на запястье голубой браслет в точности такой же, как у Майи Давыдовны.

Ужинали они в ресторане со столиками, стоящими прямо на песке. Подавали сочное аргентинское мясо и хорошее вино. Владимир смешал его до глаза, дурачился, как мальчишка, блестя глазами из-под очков.

После ужина консьерж вызвал такси, и они ждали его в открытом холле гостиницы. Майя Давыдовна надеялась, что Владимир договорится о новой встрече, но он совсем замолчал, помрачнел и сосредоточенно вглядывался в темную аллею. И только захлопывая дверь такси, он сказал, криво усмехаясь:

— До скорого!

Она следила, как, удаляясь, фары вырывают из темноты толстые стволы пальм, отчего казалось, что стадо слонов сопровождает его отъезд.

Настроение испортилось, и возвращаться в номер не хотелось. Майя Давыдовна вышла на пустынный пляж. Ее всегда удивляло, что — в отличие от крымских ночных гуляний по пляжу в прошлой жизни — здешние отдыхающие из разных стран и континентов предпочитали проводить вечера на территории отелей.

"Никакой романтики. Полное отсутствие

какого бы то ни было присутствия", — раздраженно думала она.

Она нашла одинокий шезлонг, отбившийся от кучи сложенных в стопки лежаков, и подтащила его к воде. Прибой серебристо кипел у ее ног. Она закуталась в шаль и вдруг вспомнила, что настоящая фамилия Троцкого была Бронштейн!

"Не может быть, не может быть, — все больше пугалась она, — как все в жизни связано — и сегодняшний Владимир Бронштейн, и Троцкий, мой имя и отчество..."

Какое-то воспоминание пыталось вырваться из недр сознания. Перед глазами колыхались звезды — низкие, трехмерные, похожие на галлюцинацию.

Однажды в кинотеатре "Имакс" ей выдали специальные очки, и все на экране выступило вперед и набросилось на зрителя. Дети вопили, и Майя Давыдовна попыталась схватить рыбину с толстыми губами, которая так и тыкалась ей в лицо. Она стянула с себя очки и оглядела зал. Зрители — огромные слепые кузнечики (сходство с кузнечиками придавали им зеленые очки) — водили перед собой руками и, казалось, передвигались на ощупь в темном безвоздушном пространстве.

Воспоминание, которое царапалось в ее голове, вдруг вырвалось наружу и, как лезвием ножа, ударило под лопатку! Это было еще одно совпадение — алмаз в коллекции совпадений! Дело в том, что ее родной дед — сталинский нарком — собственноручно подписал документ об экстрадиции Льва Троцкого!

Внезапно она поняла, что никуда отсюда не уйдет. Поудобней устроилась она на жестком лежаке и, вздохнув, начала горько плакать, судорожно, прижимая маленькие кулачки к гладким щекам, недавно подтянутым хирургом.

Она смотрела на звезды, и ей казалось, что это оборотни кривляются и подмигивают. К середине ночи Майя Давыдовна стала различать лица знакомых ей людей. Они мелькали в небе и падали в океан, оставляя за собой слабое свечение. Последним фейерверком рассыпалась вся эта звездная свистопляска, и небо, наконец, успокоилось в преддверии рассвета.

Утром ее нашли работники пляжа — загорелые и стройные, как греческие боги, юноши. И это было еще одно совпадение: буквальная цитата из любимого фильма Майи Давыдовны — "Смерть в Венеции". Но это совпадение осталось неучтенным.